

Бесконечный сад

Е. Л. Марков. Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. — СПб., 1901.

Я ехал, порядочно утомленный ездой по горам и камням, а еще больше жаром весеннего дня, и предавался на досуге размышлениям всякого рода.

Мысль мою дразнило какое-то трудно высказываемое, между тем очень ощутительное для меня настроение духа.

Жизнь кочевника, киргизская кибитка с какою-то беспорядочною настойчивостью врывались без всякого желанія моего в опрятно прибранные покои моих обычных умственных представлений, и голова моя работала словно не своею волею, усиливаясь переварить еще не переваренные слишком своеобразные впечатленія, чтобы пристроить их скорее, по педантической привычке книжнаго человека, на какую-нибудь знакомую полочку, под понятный ярлычок.

Я не скажу, конечно, чтобы посещение кочевников пошатнуло во мне естественное пристрастие мое к формам быта, выработанным европейской цивилизацией, и пробуждало во мне романтическое влечение к прелестям «золотого века» человечества на лоне природы. Но тем не менее во мне смутно шевелилось сознание, что этот столь презираемый нами патриархальный быт полудиких кочевых народов далеко уже не такую непроходимую бездну отделяется от нашего собственного многосложного и хитроумного образа жизни.

Все-таки я убеждался, не без радостного чувства, что пути к человеческому довольству и благополучию, — к счастью, гораздо разнообразнее, шире и многочисленнее, чем это представляется обыкновенно нам, современным европейцам, ослепленным частью истинным, частью ложным блеском нашей цивилизации, во многом, к сожалению, призрачной. Наш угол зрения в этом случае слишком тесен, слишком близорук и слишком пристрастен к своим собственным слабостям. В этом смысле бывает необыкновенно полезно время от времени удаляться за пределы чересчур привычных влияний и оглядываться на себя, на своих, на все свое тем здоровым объективным взглядом, который возможен, только когда смотришь со стороны, отодвинувшись от предмета настолько, чтобы можно было его обнять и понять во всей целостности.

Да, повторяю, к счастью для человечества, всякий народ, на какой бы скромной ступени духовного развития ни стоял он, умеет выработать себе своеобразные и вполне удобные для него условия жизни, в сущности, ничем не уступающие, при данных обстоятельствах, гораздо более совершенным формам опередивших его народностей. Верховный разум, правящий миром, вовсе не расположен играть в руку заносчивому самомнению более быстрых и талантливых представителей человеческого племени.

Рядом со львами, орлами, китами, кичающимися своею силою, величиною, — природа дает жить такую же полную, такую же целесообразную и устойчивую жизнью бесчисленным породам других мелких и крупных животных, и притом всякой породе — по своему особому вкусу и образцу.

Точно так же и человечество, покрывающее собою лицо мира, развивается не по одному узкому и однообразному шаблону, а в самом широком разнообразии и богатстве типов, красуясь, как степная равнина, девственной силы цветами всех красок и всех очертаний, из которых каждый так же прекрасен в своем роде, как и другой.

Комфорт войлочной кибитки в обстановке пустынных степей, комфорт глиняной сартовской мазанки с ее тенистою галерейкою, в жарких долинах Туркестана, — стоят в известном смысле комфорта гостиницы, вызываемого обычаями европейского города, и требуют для своего осуществления, может быть, не меньше труда и таланта. Во всяком случае, удивительная приспособленность киргизской кибитки и к жару, и к холоду, удивительная устойчивость ее против зимних вьюг и летних бурь, удивительное удобство ее для быстрой перевозки на хребте вьючной скотины, — составляют ничем не заменимое достоинство, если принять во внимание роковые требования кочевой жизни.

Точно так же, поразительная мускульная сила и выносливость киргиза, его острый глаз, отчетливо различающий малейший предмет в туманных далях горизонта, его способность проводить на седле дни и ночи, его глубокое и тонкое знание всех суровых стихий пустыни и господство над нею путем этого знания, — все эти практические таланты, побеждающие дикую природу настолько, насколько это необходимо для скромных потребностей кочевника, — право, тоже стоят, с своей точки зрения, — многих наших книжных и письменных премудростей, несомненно подрывающих

непосредственную способность человека к борьбе с враждебными силами природы и судьбы.

Но киргизская кибитка поучительна для меня еще и в другом смысле. Этот интересный остаток глубоко древнего, ветхозаветного быта, — этот живой памятник времен Авраамовых и Иаковлевых, сохраняющий до сих пор свое право гражданства на громадных пространствах земного шара, — наводит на размышления, далеко не во всем благоприятные для нашей самонадменной европейской цивилизации.

Перетягивание аркана (Ферганская обл.)

Созерцая этот простой и скромный быт кибитки, где люди по меньшей мере так же здоровы, довольны и веселы, как и в наших многоэтажных каменных ящиках, с железными крышами, где поются песни, пляшутся пляски, празднуются праздники с не меньшей искренностью и одушевлением, чем в наших натянутых светских собраниях, где также искренно любят и ненавидят, и, может быть, с не меньшей верою молятся, как умеют, Богу, — невольно приходит на мысль, как, в сущности, мало нужно человеку для его счастья и какую громоздкую, притязательную и непосильную для него декорацией заслоняет от себя это простое человеческое счастье чересчур разбалованный и зазнавшийся человек цивилизации. Здесь, в этой кибитке, — все имеют то, что им нужно, все довольны и спокойны духом. Была бы только около вода и трава — и ничего больше!

С водою и травою является и скот для перевозки, и шкуры для одежд, и войлоки для покрывки жилища, и кумыс для питья, и баранина для еды.

А голубое небо здесь то же, что и над вечно тревожными обладателями миллионов, и то же бодрящее дыхание воздуха, и то же ласкающее душу солнце, та же кругом красота и целительная сила матери-природы.

Нов. Маргеланъ. Киргизскій мальчикъ.
Marguelan. Le petit kirguise. № 59.

Перемудрившие питомцы европейской цивилизации эту красоту, широту и свободу естественной жизни продали за сомнительные наслаждения роскоши, за тщеславие богатством и властью, но, однако, не нашли в них душевного покоя и нравственного удовлетворения.

Тем трагичнее видеть, как самонадменный европеец новейших времен, дошедший до полного разочарования жизнью, до безверия и отчаяния, при которых не мыслим никакой намек на счастье, — все-таки имеет смелость навязывать многие мертвящие формы своей цивилизации, будто какое-то абсолютное спасительное начало, — народам,

правда, еще младенческого развития, но зато сохранившим в себе и жизненную радость, и способность надеяться и верить...

Прощаясь мыслями с киргизами и Киргизией, я все время забавлял себя мыслью, что, в сущности, ведь мы с женою только отдали теперь визит тем самым «басурманам» наших старых летописей, которые, под разными кличками монголов, татар, нечестивых агарян, Золотой и Кипчакской орды и проч. и проч., некогда явились с негладным-непрошенным визитом в нашу бедную удельную Русь и на два долгих века легли свинцовою гирею на исторический рост нашей, еще юной тогда, родины.

Собственно говоря, визит этот отдан был им гораздо более выразительным образом — нашими туркестанскими героями: Черняевыми, Скобелевыми, Кауфманами, которые расплатились с потомками Чингиса и Батыя на их родной земле, в самом гнезде их кочевой силы, за Калку и Сить, за Москву и Киев, и привели их под высокую и великодушную руку Белого Царя, как в свое время приводили они наших усобствовавших князей под нечестивую пядь своих кровожадных и корыстных ханов.

Я, по крайней мере, нисколько не сомневаюсь, что киргизы и особенно каракиргизы, у которых мы только что гостили, — это ни в чем почти не изменившаяся за шесть столетий монгольско-татарская орда, ходившая в XIII веке за Чингисом, в XIV веке за Тимуром, разрушившая столько царств старой Азии и наводнившая когда-то собою половину Европы.

Те элементы ее, которые тесно смешались с более просвещенными племенами покоренных стран, кристаллизовались и осели в Китае, в Индии, в мусульманских ханствах Средней Азии, выделились под новым именем из кочевого быта и из киргизской народности; а, так сказать, сырой маточный раствор этих диких полчищ разлился по безбрежным пустыням и недоступным горным хребтам Средней Азии, не поддаваясь никаким просветительным влияниям, не организуясь в государства, оставаясь такими же кочующими пастухами и степными разбойниками, какими они были в дни Чингисхана.

Когда читаешь у Рубруквиса или Плано Карпини описание их пребывания в кочевьях Великой орды на берегах Орхона, в знаменитой Чингисовой столице Каракоруме, то искренно кажется, что эти средневековые монахи описывают вам ваше собственное посещение киргизских кибиток где-нибудь на Малом Алае или в сырдарьинских степях.

До такой степени поражает сходство в малейших подробностях образа жизни этих двух народов, раздвинутых между собою промежутком почти семи веков.

Правда, и тот, и другой — не народы, не государства, а именно «орды», как они всегда называли себя и называют теперь. Своего рода громадные косяки двуногих степных зверей, размножившиеся в тиши веков, в глуши пустынь на их вольных кормах, как размножаются на тех же безбрежных травяных равнинах Азии — такие же бесчисленные табуны диких лошадей, диких ослов или антилоп.

Монголы и их соседи татары (тюркского племени), так же, как их потомки киргизы, несомненно коренные туземцы Азии. Китайские хроники упоминают имя монголов уже за 2.000 лет до Рождества Христова.

Чингисов род возникает на берегах Онона, впадающего в Шилку, на рубеже нынешней Сибири и Китая, но столица его уже переносится значительно южнее, в сердце теперешней китайской Монголии. В этот-то, на краю света лежавший Каракорум отправлялись в свое время за десятки тысяч верст послы пап и могущественнейших государей Европы искать дружбы грозного завоевателя, и ехали добиваться суда и милости покоренные князья и цари, находившие здесь чаще всего темницу или мученическую смерть.

Мы с женою входили в кочевьях кара-киргизов в такие же шатры, в какие входил когда-то Плано Карпини, посещая Каракорум. Но, как видел читатель, мы, к счастью, уже не обязаны были кланяться по три раза в землю перед входом в шатер и на коленях держать речь перед кочевым властителем, как это приходилось столько раз проделывать несчастному посланцу папы Иннокентия IV.

Интересно, что и тогда, у монголов Каракорума, знатные женщины их жили в кибитках из белого войлока, таких точно, в какой принимала нас гульчинская датха и какую разбила она для ночлега наших дам.

«У жен Куине были другие шатры из белого войлока, довольно большие и красивые», — рассказывает Плано Карпини про хана Гаюка, которого он в своей наивности везде называет вместо хана «Хамом», производя отсюда и соответствующие прилагательные: «хамский шатер», «хамский указ» и проч.

Интересно также, что кибитка или шатер этого «хама» в Каракоруме называлась «Золотою ордою» («Quod apud ipsos appellatur Orda aurea»). Орда у татар и монголов была собственно шатром, жилищем; отсюда и название «урды», удержавшееся до нашего времени за ханскими дворцами Кокана и Бухары; «Золотая орда» Волжского низовья точно так же была не чем другим, как шатром хана. Это имя орды было перенесено мало-помалу на самые полчища, окружавшие ставку вождя, за которою все они следовали, и которая таким образом стала олицетворять собою в некотором смысле целый народ, точно так, как, например, — Порты Оттоманская, — стала заменять собою понятие о самом государстве, а название лондонского или петербургского «кабинета» стало употребляться для обозначения общей политики Англии и России.

С искренним восторгом увидели мы наконец с высокого карниза дороги столь страстно желанный Ленгар, мирно приютившийся на дне горной долины.

Там сейчас же принялись за горячий душистый плов, не имеющий для голодных желудков ничего себе подобного в кулинарном искусстве всех стран и народов.

Мы как людоеды пожирали баранину с рисом и с увлечением напали на чай, бодрящая струя которая никем не может быть так оценена, как усталым всадником, измученным солнечным зноем и скверною каменистою дорогою.

Тройка наших киргизских коней отлично отдохнула без нас и прямо от крыльца ленгарского привала понесла нас, как на крыльях птицы, по щебню речного русла, по камням горной дороги.

Милый воин, провожавший нас от Гульчи, и тут еще не хотел сразу расстаться с нами. Он решил заночевать в Ленгаре, — для чего мы оставили ему необходимые ресурсы из нашего дорожного запаса, — а потому счел вполне кстати сломать на своем коньке, уже сделавшем верных 40 или 45 верст, — еще маленький кончик. А так как наша сытая тройка неслась во всю свою прыть, то и ему, чтоб не отстать от нее, пришлось все время скакать марш-маршем. Верст через 5 он дружески распростился с нами и повернул назад. Такой лихой народ только и может без стыда и вреда для русского дела держать здесь в руках киргизских наездников.

Каковы эти наездники и их кони, — мы увидели маленький образчик очень недалеко от себя. Перед тарантасом нашим скакал джигит-киргиз в белом островерхом колпаке на затылке и в широчайших желтых чембарах. Он не понимал и не говорил ни слова по-русски и только знал одно, что за ним едет начальство, что нужно поэтому гнать вовсю.

Его скуластое темно-бронзовое лицо с расплуснутым носом и узкими калмыцкими глазами, сверкавшее как у волка белыми зубами, изредка оглядывалось на наш экипаж в каком-то благоговейном ужасе, и каждый раз после этого тяжелая коротенькая канча начинала немилосердно крестить почем попало без того сломя голову летевшую лошадь.

Более 3-х часов неслась наша тройка с быстротою 15-ти верст в час, и лихой джигит ни разу не дал нагнать себя, ни разу его крепконогий конь не споткнулся и не остутился в грудах мелких камней, засыпавших дорогу на многие версты.

Но эта отчаянная скачка едва не окончилась очень печально для нас. Вкормлю тарантаса оказалась сильная и резвая лошадь, имевшая скверную привычку носить. Разгоряченная бойкою едою, она вдруг подхватила нас при самом въезде в большой подгородний кишлак, уже недалеко от Оша. Молодые пристяжные подхватили вместе с нею и бурей помчали наш злополучный тарантас, не разбирая ни рытвин, ни лощин, ни камней, ни арыков. И я, и Г<лушановск>ий схватились обеими руками за возжи, чтобы помочь солдату-вознице сдержать обезумевшую тройку, но усилия всех нас троих не приводили ни к чему.

Глупый киргиз, чувствуя за собою по пятам нагоняющую тройку, отчаянно махает своей канчою,огревая лихого конька уже прямо через голову, чтобы только не посрамиться перед начальством и не дать переду тройке. Чем неистовее мчится он, тем яростнее несутся вслед за ним и наши разыгравшиеся кони. Он подзадоривает их, как поддужный ретивого рысака. Гневные крики Г<лушановск>ого, русские и киргизские, только придают еще более прыти дикому наезднику, который среди грома колес и топота лошадей, разумеется, не может ничего слышать и воображает, что грозный начальник

приказывает ему скакать еще скорее. У меня душа замирала за наших бедных дам, глядя на эту сумасшедшую перегонку... Я чувствовал полное бессилие наше остановить озверевших коней. А между тем тяжелый и длинный тарантас наш то и дело с быстротою стрелы перелетал через узенькие мостики арыков, как нарочно попадавших на каждом шагу. Резкие повороты дороги так часто приходились у этих злополучных мостиков, что того и гляди передние или задние колеса экипажа сорвутся с мостика на каком-нибудь быстром как молния завороте, и вся наша тройка с разбега полетит в арык. Но возница наш, благодаря Бога, как-то так ловко направлял обезумевших коней, что мостики и арыки только мелькали мимо. Мне уже приходило в голову направить тройку на первый попавшийся дувал, рискуя сломить оглобли и порвать упряжь, чтобы только остановить эту дикую скачку, с каждой минутой становившуюся все опаснее. По счастью, тупоумный киргиз наконец расслышал энергическую киргизскую ругань русского полковника и, оглянувшись на нас испуганно-изумленною дурацкою рожею своею, стал со всей своей грубой силой сдерживать разгорячившегося коня. С своей стороны и мы с <лушановски>м налегли, сколько могли, на крепкие ременные возжи, уже без того натянутые, как струны, и мало-помалу бешеный бег степных коней стал стихать и приходить в обычный вид... Я искренно поблагодарил Бога, что этот жуткий эпизод окончился так благополучно.

Мы въехали в Ош среди торжественной тишины чудной лунной ночи. Месяц сиял высоко над головой, заливая и небо, и землю целым океаном фосфорического света.

Деревья, дома, далекие горы, — все, казалось, плавало, млело и таяло в этой неподвижной лучистой бездне. Никогда на нашем тусклом севере не увидишь такого высокого и глубокого неба, такой прозрачности и сияющей голубизны ночи.

Туземный город спал мирным сном в мягких материнских объятиях теплой летней ночи, и громадные старые тополи, шелковицы и вязы, вырезавшие свои кудрявые черные силуэты на ярко освещенном небе, одни провожали нас мимо своих бесконечных рядов, словно дремлющая рать исполинов, презрительно созерцая с своей неподвижной воздушной высоты шумливое копошенье нашего жалкого тарантаса и наших усталых коней, вносивших беспокойную ноту в торжественное безмолвие этой царственно сиявшей ночи.

Среди садов, налитых ночью прохладою, среди пустынных дувалов, от которых падали черные тени, сплошь наполнявшие узкие переулочки, — изредка встречались чуть освещенные красноватым огоньком фонаря — чай-хане, в которых еще сидели, тихонько беседуя, запоздавшие посетители, не торопившиеся, по-видимому, расстаться с этою всё захватывшею и всё проникавшею красотою лунной ночи.

Древние чинары чудовищной величины, осенявшие темный прудок у мечети, бросали таинственные тени на освещенные голубоватым огнем месяца глиняные стены ее, словно чертили на них какие-то загадочные, им одним понятные иероглифы.

Красотой, негой и миром дышало все кругом, и растроганное сердце радостно благословляло Бога, Творца этой красоты и этих радостей.

В гостеприимном домике г-жи С. добрая старушка, мать хозяйки, давно уже поджидала нас с ничем не заменимым самоваром. После горных скитаний верхом, после арб, кибиток, казанских тарантасов, киргизских дорог, киргизских лошадей, мы чувствовали себя настоящими паломниками или, вернее, «поломниками» (производя это слово от глагола «ломать»), заслуженно отдыхающими на лаврах, и еще долго, потягивая горячий чай, беседовали друг с другом о только что пережитых впечатлениях новой жизни, новых мест, новых людей...
